

Иван Тургенев

Петушков

Иван Тургенев

Петушков

«Public Domain»

1848

Тургенев И. С.

Петушков / И. С. Тургенев — «Public Domain», 1848

После выхода в свет книжки «Современника» с новой повестью Тургенева Некрасов писал ему: «Недавно напечатали мы Вашу повесть „Петушков“, повесть эта хороша и отличается строгой выдержанностью – это мнение всех, с кем я о ней говорил. Мне она и прежде очень нравилась, и я очень рад, что не ошибся в ней». В.В. Виноградов отмечал, что в «Петушкове» «гоголевский элемент играет гораздо бóльшую роль», чем в других произведениях Тургенева, написанных в это же время. «Стиль рассказа „Петушков“ сложен. В нем объединились и специфические качества индивидуального стиля Тургенева – индивидуальные ростки, пробивающиеся через толщу установившейся к середине 40-х годов общей системы „натурального“ изображения, и своеобразно отобранные приемы гоголевского стиля, и новые принципы речевой характеристики персонажа и его речеведения, выдвинутые Ф. М. Достоевским...»

© Тургенев И. С., 1848

© Public Domain, 1848

Содержание

I	5
II	7
III	10
IV	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Иван Сергеевич Тургенев

Петушков

I

В 182... году в городе О... проживал поручик Иван Афанасьевич Петушков. Он происходил от бедных родителей, пяти лет остался круглым сиротой и попал на руки к опекуну. Имущества у него, по милости опекуна, не оказалось никакого; он перебивался пополам с грехом. Роста был он среднего, несколько сутуловат; лицо имел худое и покрытое веснушками, впрочем довольно приятное, волосы темно-русые, глаза серые, взгляд робкий; частые морщины покрывали его низкий лоб. Вся жизнь Петушкова прошла чрезвычайно однообразно; под сорок лет он был еще молод и неопытен, как ребенок. Знакомых он дичился, а с теми, на участь которых мог иметь влияние, обходился весьма кротко...

За людьми, осужденными судьбою на жизнь однообразную и невеселую, часто водятся разные привычки и потребности. Петушков по утрам, за чаем, любил кушать свежую белую булку. Без этого лакомства он жить не мог. Вот, в одно утро, слуга его, Онисим, подал ему на тарелке с синими цветочками вместо булки три темно-рыжих сухаря. Петушков тотчас же, с некоторым негодованьем, спросил слугу своего, что бы это такое значило?

– Булки все поразобравшись, – ответил ему Онисим, природный петербуржец, странной игрою случая занесенный в самую глушь южной России.

– Быть не может! – воскликнул Иван Афанасьевич.

– Поразобравшись, – повторил Онисим, – сегодня у предводителя завтрак, так оно всё туда, знаете, пошло.

Онисим провел рукой по воздуху и выставил правую ногу вперед.

Иван Афанасьевич прошелся по комнате, оделся и сам отправился в булочную. Это единственное в городе О... заведение было учреждено лет десять тому назад заезжим немцем, в скором времени процвело и теперь еще процветало под начальством его вдовы, толстой бабы.

Петушков постучался у окошка. Толстая баба выставила в форточку свое болезненно пухлое и заспанное лицо.

– Булку пожалуйста, – с приятностью сказал Петушков.

– Вышли булки, – пропищала толстая баба.

– У вас нет булок?

– Нетути.

– Как же это? помилуйте. Я у вас каждый день беру булки и плачу аккуратно.

Баба молча посмотрела на него.

– Возьмите крендель, – сказала она, наконец, зевая, – или паплюху.

– Не хочу, – сказал Петушков и даже обиделся.

– Как угодно, – пробормотала баба и захлопнула форточку.

Ивана Афанасьевича разобрала сильная досада. В недоуменье отошел он на другую сторону улицы и предался весь, как дитя, своему неудовольствию.

– Господин!.. – раздался довольно приятный женский голос, – господин!

Иван Афанасьевич поднял глаза. Из форточки булочной выглядывала девушка лет семнадцати и держала в руке булку. Лицо она имела полное, круглое, щеки румяные, глаза карие, небольшие, нос несколько вздернутый, русые волосы и великолепные плечи. Ее черты выражали доброту, лень и беспечность.

– Вот вам, сударь, булка, – сказала она, посмеиваясь, – я было взяла ее себе, да уж извольте, уступлю вам.

– Покорнейше благодарю. Позвольте-с...

Петушков начал шарить у себя в кармане.

– Не надо, не надо-с. Кушайте себе на здоровье.

Она затворила форточку.

Петушков пришел домой в совершенно приятном расположении духа.

– Вот, ты не достал булки, – сказал он своему Онисиму, – а я вот достал, видишь?..

Онисим горько усмехнулся.

В тот же день, вечером, Иван Афанасьевич, раздеваясь, спросил слугу своего:

– Скажи мне, братец, пожалуйста, что там у булочницы за девка, а?

Онисим посмотрел в сторону довольно мрачно и возразил: – А на что вам?

– Так, – сказал Петушков, собственноручно снимая сапоги.

– А ведь хороша! – снисходительно заметил Онисим.

– Да... недурна... – промолвил Иван Афанасьич, глядя тоже в сторону. – А как ее зовут, знаешь?

– Василисой.

– И ты ее знаешь?

Онисим помолчал несколько.

– Знаем-с.

Петушков разинул было рот, но повернулся на другой бок и заснул. Онисим вышел в переднюю, понюхал табаку и покрутил головой.

На другой день, рано поутру, Петушков велел подать себе одеться. Онисим принес ежедневный сюртук Ивана Афанасьича, сюртук старый, травяного цвета, с огромными полинявшими эполетами. Петушков долго, молча, поглядел на Онисима, потом приказал ему достать новый сюртук. Онисим не без удивленья повиновался. Петушков оделся, тщательно натянул на руки замшевые перчатки.

– Ты, братец, – проговорил он с некоторым замешательством, – не ходи сегодня в булочную. Я сам зайду... мне по дороге.

– Слушаю-с, – ответил Онисим так отрывисто, как будто кто-то толкнул его сзади.

Петушков отправился, дошел до булочной, постучался в окошко. Толстая баба отворила форточку.

– Пожалуйста булку, – медленно проговорил Иван Афанасьич.

Толстая баба выставила руку, обнаженную до самого плеча, более похожую па ляжку, чем на руку, и сунула ему горячий хлеб прямо под нос.

Иван Афанасьич постоял некоторое время под окошком, прошел по улице раза два, заглянул на двор и, наконец, устыдясь своего ребячества, вернулся домой с булкой в руке. Целый день ему было неловко, и даже вечером он, против обыкновения, не пустился в разговор с Онисимом.

На другое утро уже Онисим отправился за булкой.

II

Прошло несколько недель. Иван Афанасьич совершенно позабыл о Василисе и по-прежнему дружелюбно беседовал с своим слугою. В одно прекрасное утро зашел к нему господин Бублицын, развязный и очень любезный молодой человек. Правда, он иногда сам не знал, что такое говорил, и весь был, как говорится, набекрень, но все-таки слыл за весьма приятного собеседника. Он курил много, с лихорадочной жадностью, поднимая брови, втягивая грудь, курил с озабоченным видом, или, лучше сказать, с таким видом, что вот дайте ему только в последний раз затянуться, он вам тотчас и скажет неожиданную новость; даже иногда мычал и махал рукой, торопливо досасывая чубук, как будто внезапно вспомнил что-то необыкновенно забавное или важное, раскрывал рот, кольцеобразно выпускал дым и произносил слова самые обыкновенные, а иногда даже вовсе безмолвствовал. Поболтавши немного с Иваном Афанасьичем о соседях, лошадях, помещичьих дочках и прочих поучительных предметах, г-н Бублицын вдруг заморгал глазами, взбил себе хохол и с лукавой улыбкой подошел к необыкновенно тусклому зеркалу, единственному украшению комнаты Ивана Афанасьича.

– А ведь надо правду сказать, – промолвил он, поглаживая свои бурые бакенбарды, – у нас здесь есть мещаночки такие, что куда твоя Венера мендинцейнская... Например, видали вы Василису булочницу?.. – Г-н Бублицын затянулся.

Петушков вздрогнул.

– Впрочем, – продолжал Бублицын, исчезая в облаке дыма, – что я у вас спрашиваю! Ведь вы такой человек, Иван Афанасьич! – Бог знает, чем вы занимаетесь, Иван Афанасьич.

– Тем же, чем и вы, – не без досады и нараспев проговорил Петушков.

– Ну, нет, Иван Афанасьич, нет... Что вы это?

– Однако?

– Ну, да уж что, Иван Афанасьич!

– Однако? однако?

Бублицын поставил трубку в угол и начал рассматривать свои не совсем красивые сапоги. Петушков почувствовал смущение.

– Так-то, Иван Афанасьич, так-то, – продолжал Бублицын, как бы щадя его. – А про Василису булочницу вам доложу: очень, о-чень хороша... о-чень.

Г-н Бублицын расширил ноздри и медленно погрузил руки в карманы.

Странное дело! Иван Афанасьич почувствовал нечто вроде ревности. Он начал двигаться на стуле, некстати расхохотался, покраснел вдруг, зевнул и, зевая, скривил немного нижнюю челюсть. Бублицын выкурил еще три трубки и удалился. Иван Афанасьич подошел к окну, вздохнул и велел подать себе напиток.

Онисим поставил стакан квасу на стол, угрюмо взглянул на барина, прислонился к двери и потупил голову.

– Что ты так задумался? – спросил его барин ласково и не без страха.

– Что задумался? – возразил Онисим, – что задумался... Всё об вас.

– Обо мне!

– Разумеется, о вас.

– А что ж ты такое думаешь?

– А я вот что думаю. (Тут Онисим понюхал табаку.) Стыдно вам, сударь, стыдно.

– Что такое стыдно?

– Что такое стыдно... Да вы посмотрите на господина Бублицына, Иван Афанасьич... Чем не молодец? помилуйте.

– Я тебя, братец, не понимаю.

– Не понимаете... Нет, вы меня понимаете.

Онисим помолчал.

– Господин Бублицын – господин настоящий, как следует быть господин. А вы-то что, Иван Афанасьич, вы-то что? помилуйте.

– Ну, и я господин.

– Господин, господин... – возразил Онисим, приходя в азарт. – Какой вы господин? Вы, сударь, просто мокрая курица, Иван Афанасьич, помилуйте. Сидите себе сиднем целый божий день... много этак высидите. В карты вы не играете, с господами не водитесь, а что уж насчет того...

Онисим махнул рукой.

– Ну, однако ж... ты уж, кажется, слишком... – проговорил Иван Афанасьич, с замешательством хватаясь за чубук.

– Какое слишком, Иван Афанасьич, какое слишком! Вы сами посудите. Ведь, вот опять насчет Василисы... Ну, почему бы вам...

– Да ты что думаешь, Онисим? – тоскливо перебил его Петушков.

– Я знаю, что я думаю. Что ж? и с богом! Да где вам? Иван Афанасьич, помилуйте, судите сами... Ведь вы...

Иван Афанасьич встал.

– Ну, ну, пожалуйста, там уж ты молчи, – сказал он проворно и как бы ища глазами Онисима. – Я ведь тоже, знаешь... я... что уж ты в самом деле? Дай-ка мне лучше одеться.

Онисим медленно стащил с Ивана Афанасьича замасленный татарский шлафрок, с отеческой грустью поглядел на барины, покачал головой, напялил на него сюртук и принялся бить его по спине веником.

Петушков вышел и, после непродолжительного странствования по кривым улицам города, очутился перед булочной. Странная улыбочка играла на его губах.

Не успел он взглянуть раза два на слишком известное «заведение», как вдруг калитка отворилась и выбежала Василиса, с желтым платочком на голове и в душегрейке, накинутой, по русскому обычаю, на плечи. Иван Афанасьич тотчас же нагнал ее.

– Куда изволите идти, голубушка?

Василиса быстро взглянула на него, засмеялась, отвернулась и закрыла себе губы рукой.

– Чай, за покупкой? – спросил Иван Афанасьич, семена ножками.

– Какие любопытные, – возразила Василиса.

– Отчего же любопытный? – сказал Петушков, торопливо размахивая руками. – Я совсем напротив... Так, знаете ли, – прибавил он поспешно, как будто эти три слова совершенно объяснили его мысль.

– А булочку мою скушали?

– Непременно-с, – возразил Петушков, – с особенным удовольствием.

Василиса продолжала идти да посмеиваться.

– Приятная сегодня погода, – продолжал Иван Афанасьич, – изволите часто гулять?

– Гуляем-с.

– Ах, как бы мне было желательно...

– Чего-с?

Девушки у нас выговаривают слово «чего-с» очень странно, как-то особенно резко и быстро... Куропатки так кричат по зарям.

– Погулять-с, знаете ли, с вами... за городом, что ли...

– Как можно!

– Отчего же не можно?

– Ах, какой вы, право!

– Но, позвольте...

Тут поравнялся с ними купчик-попрыгунчик с козлиной бородкой и пальцами, растопыренными в виде рогульки, чтобы рукава не сползали, в долгополом синеватом кафтане и теплом картузе, похожем на распухший арбуз. Петушков, ради приличия, отстал немного от Василисы, но тотчас же нагнал ее снова.

– Так как же? насчет прогулки-с?

Василиса лукаво посмотрела на него и опять засмеялась.

– Вы здешний?

– Здешний-с.

Василиса провела рукой по волосам и пошла потише. Иван Афанасьич улыбнулся и, внутренне замирая от робости, нагнулся немного набок и трепетной рукой обвил стан красавицы.

Василиса вскрикнула.

– Полноте, бесстыдники, на улицы.

– Ну, ну, ну, чего, – забормотал Иван Афанасьич.

– Полноте, говорят вам, на улицы... Не обижайте.

– А... а... ах, какие же вы, – проговорил Петушков с укоризной, а сам покраснел до ушей.

Василиса остановилась.

– Ступайте себе, господин, ступайте... Петушков повиновался. Он пришел домой, целый час сидел неподвижно на стуле и даже трубки не курил. Наконец, он достал листок сероватой бумаги, очинил перо и после долгих соображений написал следующее письмо:

«Милостивая государыня

Василиса Тимофеевна!

Будучи от природы человек необидчивый, как же бы мог я вам причинить неприятность. Если же я и действительно перед вами виноват, то именно скажу вам: намеки г-на Бублицына меня к тому способствовали, чего я никак не ожидал. А впрочем, покорнейше прошу вас на меня не гневаться. Я человек чувствительный и всякую ласку весьма чувствую и благодарен. Не гневайтесь на меня, Василиса Тимофеевна, прошу вас покорнейше. Впрочем, с моим почтением пребываю

Ваш покорнейший слуга

Иван Петушков».

Онисим отнес это письмо по адресу.

III

Прошло две недели... Онисим каждое утро, по обыкновению, ходил в булочную. Вот однажды Василиса выбежала к нему навстречу.

– Здравствуйте, Онисим Сергеич.

Онисим принял мрачный вид и сердито проговорил:

– Здорово.

– Что ж это вы никогда к нам не зайдете, Онисим Сергеич?

Онисим угрюмо взглянул на нее.

– Что я зайду? Чаем небось не напоишь.

– Напою, Онисим Сергеич, напою. Только вы приходите. И с ромом.

Онисим медленно улыбнулся.

– Что ж, пожалуй, коли так.

– Когда же, батюшка, когда?

– Когда... Эх, ты...

– Сегодня, вечером, угодно? заверните.

– Пожалуй, заверну, – возразил Онисим и поплелся домой ленивым и развалистым шагом.

В тот же день, вечером, в маленькой комнатке, подле постели, покрытой полосатым пуховиком, за неуклюжим столиком сидел Онисим напротив Василисы. Тускло-желтый, огромный самовар шипел и сипел на столе; горшок ерани торчал перед окошком; в другом углу, подле двери, боком стоял безобразный сундук с крошечным висячим замком; на сундуке лежала рыхлая груда разного старого тряпья; на стенах чернели замасленные картинки. Онисим и Василиса кушали чай молча, глядя в лицо друг другу, долго вертели в руках кусочки сахара, как бы нехотя прикусывали, жмурились, щурились и с свистом втягивали сквозь зубы желтоватую горячую водицу. Наконец, они опорожнили весь самовар, опрокинули кверху дном круглые чашечки с надписями – на одной: «за удоблетворение», а на другой: «невинно пронзила», крякнули, отерли пот и начали помаленьку разговаривать.

– Что, Онисим Сергеич, ваш барин... – спросила Василиса и не договорила.

– Что барин... – возразил Онисим и подперся рукой. – Известно что. А вам на что?

– Так-с, – отвечала Василиса.

– А ведь он (тут Онисим осклабился), ведь он вам, кажись, письмо писал?

– Писали-с.

Онисим покачал головой с необыкновенно самодовольным видом.

– Вишь, вишь, – проговорил он хрипло и не без улыбки, – ну, а что такое он писал вам?

– А разное написал. Что, дескать, я, сударыня Василиса Тимофеевна, так; что вы не думайте; что вы, сударыня, не обижайтесь; и много такого написал... А что, – прибавила она, помолчав немного, – он у вас каков?

– Живет, – равнодушно отвечал Онисим.

– Серчает?

– Куда ему! Нет, не серчает. А что, он вам ндравится?

Василиса потупилась и засмеялась в рукав.

– Ну, – проворчал Онисим.

– Да на что вам, Онисим Сергеич?

– Да ну же, говорят.

– Что ж, – проговорила наконец Василиса, – они... барин. Разумеется... я... да и они уж... вы сами знаете...

– Как не знать? – важно заметил Онисим.

- Вам ведь, наконец, известно, Онисим Сергеич...
- Василиса видимо приходила в волнение.
- Вы скажите ему-то, вашему-то барину, что я, дескать, на него не сержусь, а что вот, мол...
- Она заикнулась.
- Понимаем-с, – возразил Онисим и медленно поднялся со стула. – Понимаем-с. Спасибо за угощение.
- Вперед милости просим.
- Ну, хорошо, хорошо.
- Онисим приблизился к двери. Толстая баба вошла в комнату.
- Здравствуйте, Онисим Сергеич, – сказала она нараспев.
- Здравствуйте, Прасковья Ивановна, – отвечал он также нараспев.
- Оба постояли немного друг перед другом.
- Ну, прощайте, Прасковья Ивановна, – проговорил Онисим нараспев.
- Ну, прощайте, Онисим Сергеич, – отвечала она также нараспев.
- Онисим пришел домой. Барин его лежал на постели и глядел в потолок.
- Где ты был?
- Где был?.. (За Онисимом водилась привычка с укоризной повторять последние слова всякого вопроса.) По вашему же делу ходил.
- По какому делу?
- А вы не знаете?.. К Василисе ходил.
- Петушков замигал глазами и завертелся на постели.
- То-то вот и есть, – заметил Онисим и хладнокровно понюхал табаку, – то-то вот и есть. Вы всегда так. Василиса вам кланяется.
- Неужто?
- Неужто? То-то же вот и есть. Неужто!.. Велела сказать, что, дескать, отчего его не видать? отчего, дескать, не ходит?
- Ну, а ты что?
- Что я? Я ей сказал: глупа же ты, я ей сказал, – станут к тебе такие люди ходить! Нет, ты приходи сама, я ей сказал.
- Ну, а она что?
- Оча что?.. Она... ничего.
- То есть, однако, как же ничего?
- Известно, ничего.
- Петушков помолчал немного.
- Ну, и придет?
- Онисим покачал головой.
- Придет!.. Больно, сударь, прятки. Придет!.. Нет, это уж вы того.
- Да ведь ты сам говорил, что того...
- Мало ли чего!
- Петушков замолчал опять.
- Так как же, однако ж, братец?
- Как же?.. Вам лучше знать: вы барин.
- Ну нет, что уж тут...
- Онисим самодовольно покачался взад и вперед.
- Вы Прасковью Ивановну знаете? – спросил он, наконец.
- Нет. Какую Прасковью Ивановну?
- А булочницу?
- А, да, булочницу. Видал; толстая такая.

– Важная женщина. Она той-то, вашей-то, родная тетка.

– Тетка?

– А вы не знали?

– Нет, не знал.

– Эх...

Онисим из уважения к барину не досказал своей мысли.

– Вот бы вам с кем познакомиться.

– Что ж, я, пожалуй, не прочь.

Онисим одобрительно поглядел на Ивана Афанасьича.

– Но для чего собственно мне с ней знакомиться? – спросил Петушков.

– Эвона! – спокойно возразил Онисим.

Иван Афанасьич встал, походил по комнате, остановился перед окном и, не оборачивая головы, с некоторым замешательством произнес:

– Онисим!

– Чего-с?

– А не будет ли мне несколько, знаешь, неловко этак с бабой, а?

– Что ж, как знаете.

– Впрочем, я это только так. Товарищи могут заметить; всё оно как-то... Впрочем, я подумаю. Дай-ка мне трубку... Так что ж она, – прибавил он после небольшого молчания, – Василиса-то, говорит, что, дескать...

Но Онисим не желал продолжать разговор и принял обычный угрюмый вид.

IV

Знакомство Ивана Афанасьича с Прасковьей Ивановной началось следующим образом. Дней через пять после разговора с Онисимом Петушков отправился вечером в булочную. «Ну, – думал он, отпирая скрипучую калитку, – не знаю, что-то будет...»

Он взошел на крыльцо, отворил дверь. Пребольшая хохлатая курица с оглушительным криком бросилась ему прямо под ноги и долго потом в волнении бегала по двору. Из соседней комнаты выглянуло изумленное лицо толстой бабы. Иван Афанасьич улыбнулся и закивал головой. Баба ему поклонилась. Крепко стиснув шляпу, Петушков подошел к ней. Прасковья Ивановна, по-видимому, ожидала почетного посещения: платье ее было застегнуто на все крючки. Петушков сел на стул; Прасковья Ивановна села против него.

– Я к вам, Прасковья Ивановна, более насчет... – проговорил, наконец, Иван Афанасьич – и замолк. Судороги подергивали его губы.

– Милости просим, батюшка, – отвечала Прасковья Ивановна нараспев и с поклоном. – Всякому гостю рады.

Петушков немного приободрился.

– Я давно, знаете, желал иметь удовольствие с вами познакомиться, Прасковья Ивановна.

– Много благодарны, Иван Афанасьич.

Настало молчанье. Прасковья Ивановна утирала себе лицо пестрым платком; Иван Афанасьич с большим вниманием глядел куда-то вбок. Обоим было довольно неловко. Впрочем, в купеческом и мещанском быту, где даже старинные приятели не сходятся без особенных угловатых ужимок, некоторая напряженность в обращении гостей и хозяина не только не кажется никому странной, но, напротив, почитается совершенно приличной и необходимой, в особенности при первом свиданье. Прасковье Ивановне понравился Петушков. Он держал себя чинно и добропорядочно, и притом всё же был человек не бесчиновный!

– Я, матушка Прасковья Ивановна, очень люблю ваши булки, – сказал он ей.

– Тэк-с, тэк-с.

– Очень хороши, знаете, очень даже.

– Кушайте, батюшка, на здоровье, кушайте. С нашим удовольствием.

– Я и в Москве не едал таких.

– Тэк-с, тэк-с.

Опять настало молчанье.

– А скажите, Прасковья Ивановна, – начал Иван Афанасьич, – это у вас ведь, кажется, племянница живет?

– Родная племянница, батюшка.

– Что ж она, как... у вас?..

– Сирота, так и держим-с.

– И что ж она, работница?

– Ра-ботница, батюшка, ра-ботница. Такая работница, что и... и... и!.. Как же-с, как же-с.

Иван Афанасьич почел за приличное не распространяться более насчет племянницы.

– Это у вас в клетке какая птица, Прасковья Ивановна?

– А бог ее знает. Птица.

– Гм! Ну, а впрочем, прощайте, Прасковья Ивановна.

– Просим прощения вашему благородию. В другой раз милости просим. Чайку откушать.

– С особенным удовольствием, Прасковья Ивановна.

Петушков вышел. На крыльце ему попалась Василиса. Она засмеялась.

– Куда вы это ходить изволили, голубчик мой? – сказал Петушков не без удалства.

– Ну, полноте, полноте, балагур, шутник вы этакой.

– Хе, хе. А письмецо мое изволили получить? Василиса спрятала нижнюю часть лица в рукав и ничего не отвечала.

– И на меня уже не гневаетесь?

– Василиса! – задребезжал голос тетки, – а, Василиса!

Василиса вбежала в дом. Петушков отправился восвояси. Но с того дня он часто стал ходить к булочнице, и не даром. Иван Афанасьич, говоря слогом возвышенным, достиг своей цели. Обыкновенно достижение цели охлаждает людей, но Петушков, напротив, с каждым днем более и более разгорался. Любовь – дело случайное, существует сама по себе, как искусство, и не нуждается в оправданиях, как природа, сказал какой-то умный человек, который сам никогда не любил, но отлично рассуждал о любви. Петушков страстно привязался к Василисе. Он был счастлив вполне. Его душа согрелась. Понемногу перетащил он весь свой скарб, по крайней мере все чубуки свои, к Прасковье Ивановне и по целым дням сидел у ней в задней комнате. Прасковья Ивановна брала с него за обед деньги и пила его чай, следовательно, не жаловалась на его присутствие. Василиса привыкла к нему, работала, пела, пряла при нем, иногда молвила с ним слова два; Петушков поглядывал на нее, покуривал трубочку, покачивался на стуле, посмеивался и в свободные часы играл с нею и с Прасковьей Ивановной в дурачки. Иван Афанасьич был счастлив... Но на земле нет ничего совершенного, и как ни малы требования человека, судьба никогда вполне не удовлетворит его, даже испортит дело, если можно... Ложка дегтю попадет-таки в бочку меду! Иван Афанасьич испытал это на себе. Во-первых, со времени своего переселения к Василисе Петушков еще более разнакомился с своими товарищами. Он видал их только в необходимых случаях и тут, для избежания намеков и насмешек (что, впрочем, не всегда ему удавалось), принимал отчаянно суровый и сосредоточенно запуганный вид зайца, который барабанит посреди фейерверка. Во-вторых, Онисим не давал ему покою, потерял всякое к нему уважение, ожесточенно преследовал, стыдил его. В-третьих, наконец... Увы! Читайте далее, благосклонный читатель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.